

Институт славяноведения и балканистики РАН
Институт «Открытое общество»

РОССИЯ — УКРАИНА: история взаимоотношений

Ответственные редакторы:

А. И. Миллер, В. Ф. Репринцев, Б. Н. Флоря

Школа
«ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ»
Москва 1997

ББК 63.3(2)-6
Р 89

Книга подготовлена по итогам работы международной конференции «Россия – Украина: история взаимоотношений», проходившей в Москве в мае 1996 года. Организация и финансирование конференции, а также финансирование издания этого тома осуществлено Институтом «Открытое общество» в рамках национальной Программы семинаров и летних школ в системе высшего образования в сотрудничестве с Центрально-Европейским Университетом (CEU–HESS).

Р 89

Россия – Украина: история взаимоотношений. Отв. редакторы: Миллер А. И., Репринцев В. Ф., Флоря Б. Н. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 248 с.

ISBN 5-88766-015-5

Книга посвящена ключевым проблемам российско-украинских отношений и охватывает период от времен Киевской Руси до первой половины XX века. В ее создании участвуют авторы из России, Украины, Германии, Франции, США.

Книга адресована как специалистам, так и всем интересующимся историей.

ББК 63.3(2)-6+63.3(4Укр)-6

ISBN 5-88766-015-5

© Авторы, 1997

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКТОРОВ	7
Борис Флоря О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ РАЗВИТИЯ ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ — РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ	9
Николай Котляр К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ И ФОРМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ НА РУСИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XI — НАЧАЛО XII ВЕКА)	29
Лев Заборовский ПЕРЕЯСЛАВСКАЯ РАДА И МОСКОВСКИЕ СОГЛАШЕНИЯ 1654 ГОДА: ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	39
Татьяна Яковлева ГЕНЕЗИС ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕИ В УКРАИНЕ НА ПРИМЕРЕ ДОГОВОРОВ С ПОЛЬШЕЙ И РОССИЕЙ	51
Геннадий Санин АНТИОСМАНСКИЕ ВОЙНЫ В 70—90-е ГОДЫ XVII ВЕКА И ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ УКРАИНЫ В СОСТАВЕ РОССИИ И РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ	61
Виктор Горобец УКРАИНСКО-РОССИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ГЕТМАНЩИНЫ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVII — ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XVIII ВЕКА)	77
Владимир Артамонов ПОЗИЦИИ ГЕТМАНСКОЙ ВЛАСТИ И РОССИИ НА УКРАИНЕ В КОНЦЕ XVII — НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА	89
Людмила Софронова ФУНКЦИЯ ГРАНИЦЫ В ФОРМИРОВАНИИ УКРАИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ XVII—XVIII ВЕКОВ	101
Олена Дзюба УКРАЇНЦІ В КУЛЬТУРНОМУ ЖИТТІ РОСІЇ (XVIII СТ.): ПРИЧИНИ МІГРАЦІЇ	115

Андреас Каппелер МАЗЕПИНЦЫ, МАЛОРОССЫ, ХОХЛЫ: УКРАИНЦЫ В ЭТНИЧЕСКОЙ ИЕРАРХИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ	125
Алексей Миллер РОССИЯ И РУСИФИКАЦИЯ УКРАИНЫ В XIX ВЕКЕ	145
Остап Серета МІСЦЕ РОСІЇ В ДИСКУСІЯХ ЩОДО НАЦІОНАЛЬНОЇ ІДЕНТИЧНОСТІ ГАЛИЦЬКИХ УКРАЇНЦІВ У 1860—1867 РОКАХ (ЗА МАТЕРІАЛАМИ ПРЕСИ)	157
Даниэль Бовуа «БОРЬБА ЗА ЗЕМЛЮ НА ПРАВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЕ С 1863 ПО 1914 ГОД»: НОВАЯ КНИГА ОБ УКРАИНСКО- ПОЛЬСКО-РУССКИХ ОТНОШЕНИЯХ	171
Марк фон Хаген РУССКО-УКРАИНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА	183
Ирина Михутина УКРАИНСКИЙ ВОПРОС И РУССКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	197
Владислав Верстюк ЦЕНТРАЛЬНАЯ РАДА И ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО (К ИСТОРИИ УКРАИНСКО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ В 1917 ГОДУ)	209
Марина Соколова ЦЕНТР И ПЕРИФЕРИЯ: РОССИЯ И УКРАИНА В 1917 ГОДУ	219
Кирилл Галушко ВЯЧЕСЛАВ ЛИПИНСКИЙ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ УКРАИНСКО- РОССИЙСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ	229
Геннадий Матвеев РОССИЙСКО-УКРАИНСКИЙ КОНФЛИКТ В ПЛАНАХ ПОЛЬСКОЙ ДИПЛОМАТИИ И ВОЕННЫХ КРУГОВ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД	237
Коротко об авторах	245
Authors	246

ОТ РЕДАКТОРОВ

Эта книга подготовлена по итогам конференции «Россия — Украина: история взаимоотношений», состоявшейся в Москве в мае 1996 г. Конференция стала первой такого масштаба встречей историков двух стран после распада СССР — в ней приняли участие более 50 ученых, из них 20 из Украины. Успешной работе конференции во многом способствовали и ее участники из других стран — США, Франции, Германии, Канады.

Сборник статей участников конференции довольно полно и адекватно отражает современное состояние изучения проблемы. Период до XVIII века исследован сегодня несравненно лучше, чем более позднее время, что является прямым следствием партийного контроля над наукой в СССР.

Закономерны и разногласия, порой весьма острые, в трактовке многих вопросов между украинскими и российскими историками. Однако, как это и подтвердила конференция, эти разногласия не блокируют возможности диалога и стремления к нему, что свидетельствует о необходимости продолжения начатых усилий.

Многие из включенных в сборник статей посвящены рассмотрению методологических вопросов. Проблематика русско-украинских отношений имеет свою уникальную специфику. Недостаточность традиционных подходов осознана многими специалистами, и есть основания надеяться, что дальнейшая разработка этих проблем принесет результаты, далеко выходящие по своему значению за рамки истории собственно российско-украинских отношений.

Мы выражаем глубокую признательность Институту «Открытое общество» за финансовую и организационную поддержку целого ряда инициатив, связанных с изучением истории российско-украинских отношений — конференции «Россия — Украина: история взаимоотношений» (Москва, 1995), издания этого тома, а также публикации первого выпуска работ российских историков «Ukrainica et Bielorossika» (Москва, 1995).

Борис Флоря

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ РАЗВИТИЯ ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ — РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

Вплоть до сравнительно недавнего времени официальной и общепринятой в научной литературе Советского Союза была схема этнической истории восточных славян, с краткой характеристики которой имеет смысл начать рассмотрение темы. Согласно этой схеме восточнославянские племенные союзы, вовлеченные в IX—X вв. в процесс создания Древнерусского государства с центром в Киеве, в XI—XII вв. слились постепенно в единую древнерусскую народность, которая с конца XIV в. разделилась на три восточнославянские народности — белорусскую, великорусскую и украинскую. Следует отметить, однако, что уже в советской литературе был выставлен ряд серьезных возражений против начальной части этой схемы. Имею в виду прежде всего гипотезу, развитую в ряде работ известного русского археолога В. В. Седова, выдвигавшего на первый план контакт восточно-славянского и балтского этносов как фактор, определивший формирование белорусского народа в пределах тех территорий, на которых это взаимодействие имело место¹.

Если признать аргументацию В. В. Седова убедительной, то, поскольку расселяясь по территории Восточной Европы, восточные славяне вступали в разных частях восточноевропейской равнины в контакт с разными этносами (помимо балтского на северо-западе с ираноязычным на юге и угро-финским на северо-востоке), следовало бы отнести начало формирования отдельных восточнославянских народов еще к догосударственному периоду в истории восточных славян², а сам процесс их формирования придется в этом случае рассматривать как предопределенный заранее наличием на разных территориях разного этнического субстрата.

Важность поднятого в работах В. В. Седова вопроса заставляет остановиться на нем подробнее, тем более, что контакты восточных славян на территории Восточной Европы с разными этносами — бесспорный факт, как и то, что этим контактам славяне в разных областях Восточной Европы действительно обязаны многими особенностями своей духовной и материальной культуры.

В этой связи, как представляется, заслуживают внимания соображения, высказанные в связи с обсуждением гипотезы В. В. Седова белорусским исследователем М. Ф. Пилипенко. Пилипенко обратил внимание на то, что контакт славян и балтов предшествовал формированию отдельных восточно-славянских племенных союзов, определив многие конкретные особенности их культуры, так как разные группы восточных славян заимствовали не одни и те же балтские элементы и не в одном и том же объеме³. Что же привело в дальнейшем к консолидации ряда таких союзов в более широкую этническую общность, на это гипотеза В. В. Седова ответа не дает.

К этому следует добавить, что при изучении процессов развития этнического самосознания недостаточно существования определенных особенностей материальной или духовной культуры той или иной общности людей, заимствованных у этнического субстрата, важно, чтобы эти отличия осознавались населением и осмыслялись им, как этнообразующие признаки, отличающие данный этнос от других, соседних. Лишь в этом случае можно было бы ставить вопрос о серьезном воздействии балтского субстрата на этногенез белорусского народа, но подобная работа пока, насколько известно, не проделана.

Сказанное может быть с некоторыми конкретными уточнениями отнесено и к вопросу о роли этнического субстрата в формировании других восточнославянских народностей. Следует также отметить, что гипотеза В. В. Седова находится в определенном противоречии с имеющимися в нашем распоряжении данными об этническом самосознании восточных славян XIII—XIV вв. на тех территориях, где имело место их взаимодействие с балтским субстратом (об этих данных см. ниже).

Тезис о существовании в эпоху раннего средневековья единой древнерусской народности вызывает и ряд возражений иного порядка. Обращают внимание на трудности развития интеграционных процессов на столь обширной и сравнительно мало заселенной территории, как восточноевропейская равнина, на существование заметных различий в материальной культуре населения отдельных регионов⁴, на то, что и языковые различия между отдельными группами восточных славян, как показывают, в частности, исследования языка новгородских берестяных грамот, были, по-видимому, гораздо более глубокими, чем это предполагалось ранее⁵. В ряду иных доводов не последнее значение имеет и тот факт, что в летописании до-монгольского времени термином «Русь» обозначается и в этом качестве противопоставляется другим восточнославянским землям территория Среднего Поднепровья. При таком подходе наиболее важное место в этнической истории восточных славян отводится тем интеграционным

процессам, которые развивались в рамках крупных государств Восточной Европы, сформировавшихся в XIV—XV вв.⁶

Ограниченность источников XI—XIV вв. (достаточно узкий круг по преимуществу нарративных памятников) не дает и не может дать прямого ответа на вопрос, насколько представление о совокупности всех восточных славян, как особом едином народе («языке»), впервые четко выраженное на страницах «Повести временных лет» в начале XII в., проникло в сознание широких кругов населения, выйдя за рамки интеллектуальной элиты тогдашнего общества. Однако, хотя косвенный, но достаточно определенный ответ на вопрос о степени развития интеграционных процессов у восточных славян XII—XIII вв. все же может быть получен.

При неразвитости интеграционного процесса мы вправе были бы ожидать сохранения у восточных славян более ранних традиционных форм самосознания — прежде всего сознания принадлежности к племенному союзу, являвшемуся, одновременно, и социальным, и этническим организмом. Есть основания полагать, что в сознании восточных славян племенные традиции еще в начале XII в. занимали достаточно заметное место: в «Повести временных лет» приводятся не только названия многих восточнославянских племен, но и сведения о территории их расселения, некоторые данные об их обычаях, предания о родоначальниках некоторых племен. Однако в обширных повествованиях нарративных источников о событиях первой половины XII в. население отдельных древнерусских земель крайне редко определялось по своей племенной принадлежности, а с середины XII в. старые племенные названия в текстах летописи вообще перестают встречаться, а население отдельных районов (от больших княжеств до мелких округов) обозначается, как правило, термином производным от названия его политического центра («новгородцы», «псковичи», «полочане» и т. д.). Очевидно, что в этой новой терминологии находило свое выражение лишь областное, а не этническое самосознание⁷.

Своеобразие картины, которая возникает в результате анализа летописных текстов, станет особенно отчетливым, если сопоставить ее с положением на германских землях более раннего и того же времени. Здесь на территории Тевтонского королевства отдельные крупные княжества — земли, такие как «Саксония» или «Бавария», формировались на базе старых племенных союзов, а законодательство («Саксонская правда», «Баварская правда») представляло собой приспособленную к новым социальным отношениям запись традиционного племенного права. Здесь сохранялись не только традиционные этнонимы, но и сознание преемственной связи между средневековой

«землей» и старым племенным союзом. Подобную же ситуацию можно наблюдать и в Скандинавии. Даже в соседней с Древней Русью Польшей, где таких мощных традиций племенного самосознания, судя по всему, не было, некоторые из средневековых «земель» сохранили старые племенные названия (Силезия, Мазовия).

Как представляется, столь радикальное исчезновение на восточнославянской почве традиционных племенных этнонимов может быть объяснено (от обратного) не имеющим явного отражения в нарративных источниках распространением сознания принадлежности всего восточного славянства к одной народности — «Руси».

Позитивные свидетельства развития такого процесса дают договоры Смоленска с Ригой в XII в., где население княжества обозначается как «Русь» — особая общность, противостоящая «Латинскому языку», смоленский купец — это «русский гость», а житель смоленского княжества — «русин». В одной из редакций договора говорится о «Русской земле», в состав которой входят «волости» смоленского и полоцкого князей⁸. Как показывает анализ нарративных и документальных источников второй половины XIII — начала XIV в., на всех частях восточнославянской этнической территории местное население называет себя «русинами» или «русскими», а страну, в которой они живут, «Русью» или «Русской землей» и свой язык — «русским».

Таким образом, и сравнительно-исторические сопоставления, и конкретные наблюдения говорят в пользу положения о широком распространении у восточных славян в XII—XIII вв. сознания их принадлежности к широкой этнической общности — «русскому языку», которая определяется исследователями как древнерусская народность. В свете сказанного представляется особенно актуальным исследовать вопрос о том, какие факторы способствовали распространению этой формы этнического самосознания в условиях растущей политической раздробленности древнерусских земель. Немалую роль сыграло здесь, по-видимому, единство исторической памяти, существование общей исторической традиции (как известно, в основе всех дошедших до нас памятников древнерусского летописания лежат киевские своды конца XI — начала XII в.). Подводя итоги, можно сделать вывод о принципиальной правильности традиционной схемы этнической истории восточных славян в ее начальной части.

Совсем иное следует сказать о том положении традиционной схемы, согласно которому уже с конца XIV в. можно говорить о существовании трех восточнославянских народностей.

В истории восточных славян конец XIV в. действительно может рассматриваться, как важнейший хронологический рубеж. С этого времени есть все основания говорить о разных исторических судьбах

отдельных частей восточного славянства в рамках новых многоэтнических государств. Начиная с этого времени постепенно нарастают различия между социальным строем тех частей восточного славянства, которые вошли в состав Великого княжества Литовского и Польского королевства, с одной стороны, и тех, которые вошли затем в состав формирующегося Русского государства, с другой. Параллельно с различиями в социально-политическом строе постепенно формировались и важные различия в характере политической культуры, социальной психологии, а затем и в круге общекультурных интересов. Однако следует иметь в виду, что на рубеже XIV—XV вв. такие различия лишь зарождались, и нужно было время не только для их полного развития, но и для осознания их существования обществом по обе стороны рубежей, отделявших державы Ягеллонов от земель Северо-Восточной Руси. Тем самым нет серьезных оснований рассматривать рубеж XIV—XV вв. как важную веху в развитии этнического самосознания восточных славян. Можно говорить лишь о том, что с этого времени возникают объективные предпосылки для формирования нескольких восточнославянских народностей.

Ко времени русско-литовских войн рубежа XV—XVI вв. относится ряд свидетельств, которые говорят не только об осознании представителями общественной элиты этих различий, но косвенно и о том, что этот факт очень существенно повлиял на позицию восточнославянской шляхты и мещан Великого княжества Литовского во время военного конфликта между ним и Русским государством. В записке, поданной Сигизмунду I в 1514 г., указывалось, что «жестокая тирания» московских князей является причиной того, что «русские» в Великом княжестве Литовском не хотят перейти под их власть⁹. О «тиранской власти» московских князей, в государстве которых богатство и общественное положение человека зависит от воли правителя, писал, как о препятствии для соединения восточных славян, придворный хронист Сигизмунда I Иост Людвиг Деций¹⁰. К этому же времени — первым десятилетиям XVI в. — относится появление в источниках сопоставлений московского и «турецкого» правления как двух сходных типов политического устройства¹¹. Хотя эти высказывания принадлежат представителям польской элиты, как представляется, в них предложено верное объяснение политического патриотизма шляхты и мещанства Великого княжества Литовского во время русско-литовских войн рубежа XV—XVI в.¹², и они могут рассматриваться как определенное отражение общественных настроений в этом государстве.

Однако нет никаких оснований полагать, что уже в то время данные различия социально-политического строя осознавались как признаки принадлежности к разным этническим общностям. Имеющиеся

свидетельства говорят об обратном. В уже цитированной записке 1514 г. говорится о том, что у «русских» Литвы и «Московитов» общая религия, язык и ссылка на «тиранию» московских правителей в таком контексте служит объяснением того, почему одна часть народа все же не хочет присоединиться к другой. Для Матвея Меховского, писавшего в своем «Трактате о двух Сарматиях», что «в государстве московском, как и в земле турок людей перебрасывают с места на место», тем не менее было ясно, что жители Московии «Rutheni sunt et Ruthenicum loquuntur»¹³.

Дипломат и советник Сигизмунда II Мартин Кромер в середине XVI в. писал, говоря о Руси, что Московия — это «их же племя и часть», что жители Московии сами называют себя русскими и говорят на русском языке, что под властью московских правителей живут «русские люди» из многих ранее независимых княжеств¹⁴. Представление о том, что все восточные славяне являются, в сущности, одним народом, достаточно определенно прослеживается и в высказываниях польских публицистов времени бескоролья 1572—1573 гг. Утверждая, что население «Московии» может измениться к лучшему под воздействием польской культуры, один из публицистов писал: «Посмотрите, как был перед тем люд литовский и русский, а московский люд — та же Русь и то же племя»¹⁵. Другой публицист, предостерегая против избрания Ивана IV на польский трон, обращался к польской шляхте со следующими словами: «ваше панование Руси надоело, и она может встряхнуть рогами, надеясь на государя своей веры, своего языка и своего народа»¹⁶.

В 1578 г. завершил работу над «Описанием европейской Сарматии» итальянец Александр Гваньини, офицер витебского гарнизона. Однако и в сочинении этого автора, находившегося в особенно тесном контакте с восточнославянской средой, говорится о двух частях России — «Белой», которая находится под властью великого князя Московского, и «Черной», которая находится под властью польского короля. Жители Московии для автора — это «русские» и говорят на «русском» языке, сама Московия образовалась из многих «русских» княжеств, а «москвичи» (Moschovitae) — это «простонародное» название¹⁷. Пример этого писателя особенно показателен, так как А. Гваньини включил в свой текст подробное описание «тиранства» Ивана Грозного и положение в современной ему «Московии» описывал в самых черных красках. Это, однако, не послужило для него основанием к тому, чтобы рассматривать жителей «Белой» и «Черной» России как представителей двух разных народов.

Разумеется, все эти свидетельства позволяют лишь косвенно судить об этническом самосознании восточных славян в границах дер-

жав Ягеллонов, а затем — в Речи Посполитой. Однако следует учесть, что в польском обществе не существовало какой-либо самостоятельной традиции об этнических отношениях в Восточной Европе, и представления соответствующих авторов так или иначе должны были основываться на воззрениях почерпнутых из восточнославянской среды. К этому следует добавить, что представители польской элиты никак не были заинтересованы в том, чтобы подчеркивать единство восточных славян (и тем самым, хотя бы косвенно, признавать справедливость притязаний московских государей на древнерусское наследство). Тем самым есть определенные основания искать в приведенных высказываниях польских писателей отражение воззрений, характерных для самой восточнославянской среды. Во всяком случае, знакомство с этой традицией заставляет предостерегать против превеличения глубины того взаимного отчуждения, которое возникало между восточными славянами России и Речи Посполитой на почве прежде всего различий в характере общественного строя. Эти замечания имеют в виду прежде всего западную часть восточного славянства. Что касается восточной части — жителей Московии, то здесь сохранению представления о единстве восточных славян содействовала и мощная историческая традиция (как письменная, так и народная, фольклорная) и политические факторы (борьба московских правителей за «собрание русских земель»).

Изучение памятников исторической традиции, создававшихся в Речи Посполитой эпохи Возрождения, позволяет выделить последнюю четверть XVI в. как время, когда осознание различий привело к переменам в характере этнического самосознания восточных славян на территории Речи Посполитой.

Почти одновременно с окончанием работы А. Гваньини над «Описанием» в 1578 г. завершил работу над первой редакцией своей «Хроники» Матвей Стрыйковский, польский шляхтич, в прошлом также офицер в Витебске, нашедший приют при дворе Слуцких князей. В его труде читаем рассказ о четырех братьях: Лехе, Чехе, Русе и Москве (самом младшем). Рус земли, полученные от отца, назвал Русью, а Москва стал основателем особого государства и основал в нем столицу, которой дал свое имя¹⁸. Появление под пером хрониста подобной генеалогической легенды, как представляется, достаточно ясно говорит о появлении в Речи Посполитой представления о «московитах» и «русских», как о двух разных народах. Легенда собственно и должна была служить историческим обоснованием такого представления. В 70-х гг. XVI в. оно явно лишь зарождалось. В иных местах своего труда Стрыйковский, следуя традиции, называет Ростов и Рязань «русскими» городами, говорит о подчинении Иваном III «русских» кня-

жеств и о том, что сам Иван III был самым счастливым из «русских монархов»¹⁹.

Позднее достаточно определенные следы представления о «московитах» и «русских» как двух разных народах прослеживаются в памятниках полемической литературы, возникших после заключения Брестской унии 1596 г. Хорошо известны, например, отзывы Ипатия Потия об отрицательных качествах «московского народа»²⁰. В таком известном униатском памфлете начала 20-х гг. как «Sowita wina», обращая внимание на то, что по одному из спорных вопросов совпадают мнения «Русских» и «Московских» хроник, автор констатировал, что это мнение, видимо, соответствует истине, так как здесь соглашаются между собой «pisarze dwoch nacyi z sobą więc niezgodnych i z dawna»²¹. Таким образом, в представлении униатского автора «русские» и «московиты» — два разных народа, давно живущих в несогласии между собой.

Еще более показательно, что представление о «русских» и «московитах» как двух разных народах обнаруживается и в сочинениях православных авторов. Так, например, у Ивана Вишенского читаем «кождыи отменным своим голосом зовомиы язык, а меновите греци, арапи, северани, серби, болгаре, словяне, Москва и наша Русь»²². Здесь «Москва» как особый «язык» — народ определенно отделена от «нашей Руси». То же видим и в перечне «варварских» народов, помещенном в «Обороне верификации» Мелетия Смотрицкого: «Czeskie, Polskie, Ruskie, Moskiewskie»²³.

О важных изменениях этнического самосознания восточных славян, идущих в этом направлении, говорит и появление в текстах конца XVI — первой половины XVII в. таких словосочетаний, как «Малая Россия» и «Великая Россия». Истории появления в источниках термина «Малая Русь» и изменения его значений с течением времени недавно посвятил особое внимание украинский исследователь П. П. Толочко²⁴. Как справедливо отметил этот исследователь, термин «Малая Русь» появился впервые в византийских документах начала XVI в., где он обозначал территорию Галицкой митрополии, выделенной из состава общерусской митрополии Киевской. Эта «Малая Русь» практически совпадала с территорией Галицко-Волынского княжества. Затем в течение длительного времени этот термин в источниках не встречается и снова появляется лишь в конце XVI в. в сочинениях Ивана Вишенского²⁵. Как верно отметил П. П. Толочко, этот термин в первой половине XVII в. стал использоваться не только в литературных сочинениях, но и в сфере межгосударственных и церковных отношений²⁶. Так, перемышльский епископ Исаяя Копинский в грамоте патриарху

Филарету от 4 декабря 1622 г. представлял себя, как «ексарха Малой России»²⁷.

По мнению П. П. Толочко в первой половине XVII в. это название относилось «до всієї колишньої Південної Русі»²⁸. Иное мнение о значении этого названия в первой половине XVII в. высказал в свое время М. С. Грушевский. По его мнению, в конце XVI — середине XVII в. это название означало «всі українські і білоруські землі»²⁹. Главным аргументом для М. С. Грушевского стал характер использования этого названия в сфере межгосударственных отношений. Как отметил исследователь, киевский митрополит Петр Могила в своих сношениях с Россией постоянно выступал с титулом митрополита «киевского, галицкого и всея Малыя России»³⁰. Очевидно, что в этих документах «Малая Россия» — это обозначение территории киевской митрополии, этническая территория восточных славян в границах Речи Посполитой. Когда в 1621 г., отъезжая из Киева, иерусалимский патриарх Феофан посылал свое благословение «всем благочестивым християном в Малой России»³¹, то он, конечно, также имел в виду всех православных киевской митрополии, а не какую-то одну их часть. К сказанному следует добавить, что и в сочинениях православных авторов конца XVI — первой половины XVII в. название «Малая Русь» употреблялось именно в том широком значении, какое установил для него на основании иных данных М. С. Грушевский. Так, в одном из своих посланий Иван Вишенский обращался к «християном Малое Росии братству Львовскому и Виленскому»³². Говоря о разделении ранее единой общерусской митрополии в середине XV в., Захарий Копыстенский отмечал в «Палинодии», что с этого времени «Россия Малая теж, то-есть Киев и Литва, также себе инога обрали»³³. В обоих указанных случаях писатели явно имели в виду отнюдь не только жителей Южной Руси.

Почти одновременно в восточнославянских текстах, возникших на почве Речи Посполитой, появилось и название «Великая Россия» для обозначения Русского государства и его населения. Как справедливо отметил П. П. Толочко³⁴, это название в указанном значении встречается уже в одном из сочинений Ивана Вишенского³⁵. Затем название встречается в сочинении 1603 г. «Вопросы и ответы православного с папезником»³⁶. В декабре 1622 г. Исайя Копинский обращался к Филарету Никитичу, как к «преосвященному патриарху Великой и Малой России и до последних Великого Океана»³⁷, очевидно, признавая тем самым право Филарета на духовное руководство православными и на территории России, и на территории Речи Посполитой. Оба названия — «Великая Россия» и «Малая Россия» — широко использовал в установившемся в первой половине XVII в. значе-

нии Захарий Копыстенский в «Палинодии»³⁸. Тогда же в написанном П. Берындой послесловии в «Постной триоди» 1627 г. появился и термин — «великороссии» для обозначения живущего в «Великой России» народа³⁹. Распространение этих названий также есть все основания рассматривать, как одно из существенных проявлений представлений о том, что восточные славяне на территории России и на территории Речи Посполитой представляют собой два разных общества и два разных народа.

Все эти свидетельства отражают перемены в самосознании восточных славян на территории Речи Посполитой, однако, как увидим далее, в источниках первой половины XVII в. можно обнаружить очевидные следы аналогичных процессов и на почве Московской Руси.

Важной особенностью этнических представлений восточных славян в первой половине XVII в., как верно отметил А. В. Соловьев⁴⁰, было то, что два народа, живущие в «Малой» и «Великой» России, воспринимались как две тесно связанные между собой части некоего общего целого. Это особенно сильно и заметно проявляется в произведениях православных авторов. Так, в протестации 1621 г. епископы киевской митрополии во главе с митрополитом Иовом Борецким заявляли, что с Москвой православных в Речи Посполитой объединяет не только общая вера, но и «ieden rodzay, jezyk, obuczaje»⁴¹. Представление о тесной связи двух народов получило яркое отражение в грамоте Иова Борецкого царю Михаилу от 24 августа 1624 г.⁴² Отношения двух народов были уподоблены в ней отношениям библейского Иосифа и его «единоутробного» брата Вениамина. В последних словах грамоты содержалась просьба о помощи «российского ти племени едноутробных людем державы ти и твоему самому царскому величеству». Захария Копыстенский, одним из первых широко использовавший названия «Великая» и «Малая» Россия, рассматривал росов, живущих в этих странах, как две части «Яфето-Росского поколенья»⁴³. В этой связи заслуживает быть отмеченным и свидетельство Густынской летописи, что славяне, расселившиеся на территории Восточной Европы «различно презывахуся... яко же и ныне Москва, Белая Русь, Волынь, Подолля, Украина, Подгоря и проч. Но обаче аще и различие есть во именовании волостям, но вестно есть всем, яко все единокровны и единораслы, сем бо суть и ныне все общеединым именем Русь нарицаются»⁴⁴. В такую совокупность воззрений хорошо вписывается и известные слова Богдана Хмельницкого, обращенные к русскому посланцу Г. Унковскому: «от Владимира святого крещения одна наша благочестивая христианская вера с Московским государством и имели одну власть, а отлучили нас неправдою и насилием лукавые ляхи»⁴⁵.

Для выяснения полной картины воззрений восточнославянского общества в Речи Посполитой на восточных славян, живущих в Московии, более показательными представляются свидетельства, исходящие от иерархов униатской церкви. Очень интересный материал по этому вопросу содержится в двух записках митрополита Иосифа Рутского, направленных в Рим в 20-х гг. XVII в.⁴⁶ В этих записках Рутский разъяснял своим римским патронам, что «*Russia*» — это не только Волынь, Подолия и другие восточнославянские земли Речи Посполитой, но и «*ipsum Imperium Moscoviticum*», и в прошлом вся эта Русь подчинялась киевскому митрополиту. Жители Московии называют русских из Речи Посполитой «своими братьями». Литературный язык у них совершенно одинаков, а разговорный отличается, как язык жителей Рима от языка жителей Бергамо. Таким образом, и для взглядов униатской среды было характерно представление о близком родстве двух частей восточных славян и что обе они являются частями одного целого — Руси.

Подводя итоги, можно констатировать, что процесс этнической дифференциации между восточными славянами в Речи Посполитой и в России в конце XVI — первой половине XVII в. зашел достаточно глубоко, но было еще далеко до его окончательного завершения, представления о единстве всех восточных славян, как особой этнической общности продолжали занимать значительное место⁴⁷.

Неудивительно, что вхождение территорий созданного в результате народно-освободительной войны на восточнославянских землях Речи Посполитой гетманства в состав Русского государства (после решений Переяславской рады 1654 г.) было воспринято обеими сторонами как восстановление прежнего единства, как воссоединение отдельных частей Руси, ранее разделенных политическими границами. Мотив восстановления прежнего единства, существовавшего некогда во времена Владимира, достаточно ясно звучал в посланиях и речах представителей обеих сторон, относившихся ко времени перехода гетманства под власть царя Алексея Михайловича. В речи при вручении Богдану Хмельницкому царского знамени русский посол говорил о промысле божьем, направившем ход событий так, чтобы «якоже во времена благоверного царя Владимира и прочих его наследников бысть тако, через ваше тцание соединити»⁴⁸. Тогда же он говорил, что царь принимает под свою власть Киев, «царского своего орла некогда гнездо сущии»⁴⁹. О возвращении времен Владимира говорили в беседе с послом Выговский и Хмельницкий⁵⁰. В своем послании царю в июне 1654 г. игумен Михайловского монастыря в Киеве Феодосий Васильевич писал: «Воздвигнул в нынешнее радостное лето от многих лет усопшаго великого равноапостольнаго князя российс-

каго святого Владимира ... возвел погребенную российского рода честь и славу»⁵¹. Нежинский протопоп Максим Филимонович в речи перед царем 27 сентября 1654 г. также восхвалял божий промысел, который побудил царя «дабы расточенных сынов русских злохитрием лятцким воедино собрал, разделенных составов тело русского великого княжения совокупил, ... дабы преславное имя русское в Малороссии уничтожено и гноищем насилствования лятцкого погребенное воскресил и в первое достояние привел»⁵². Даже такой противник переяславских решений, как митрополит Сильвестр Косов, встречая в Киеве русских послов, заявил: «вашим пришествием обновитца, яко орлу, юность наследия благочестивых великих князей русских»⁵³.

Все эти высказывания, отражавшие официальную, общепринятую точку зрения на происшедшие события, показывают, что в середине XVII в. представление о единстве всех восточных славян, несмотря на сознание существования серьезных различий между «Великой» и «Малой» Россией, продолжало занимать видное место в их общественном сознании.

Ирония истории состояла в том, что в то время, когда политические события способствовали оживлению этого традиционного представления, перемены, связанные с установлением в гетманстве особого казацкого строя, привели к тому, что различия между общественным строем этого политического образования и общественным строем Русского государства оказались еще более глубокими и значительными, чем различия между общественным строем России и Речи Посполитой. В итоге в ближайшие десятилетия после Переяславской рады представление о единстве восточных славян должно было подвергнуться суровому испытанию в условиях контактов в границах одного государства представителей двух восточнославянских обществ, очень различных по своей социальной структуре, обладавших к середине XVII в. разными культурно-историческими традициями, сложившимися за предшествующие столетия раздельного существования.

Десятки разнообразных источников XV—XVI вв. свидетельствуют о том, что восточные славяне в границах держав Ягеллонов, а затем Речи Посполитой считали себя единой этнической общностью — «русским» народом, называли себя «русскими» или «русинами», а свой язык «русской мовой»⁵⁴.

Для целого ряда исследователей конец XVI — первая половина XVII в. представляется как период уже заметной этнической дифференциации между предками украинцев и белорусов. Как одно из важных проявлений такой дифференциации исследователи оценивают появление и распространение в этот период названий «Малая» и «Белая» Россия для обозначения этнической территории украинцев и